

Душевное состояніе воиновъ въ бою; въ періодъ затишья—тревожное состояніе.

(Военно-психологическій этюдъ).

Всѣ участники боевъ по собственному пережитому опыту знаютъ, какое душевное состояніе испытываетъ воинъ въ бою и во взятый нами для разсмотрѣнія періодъ затишья.

Но опредѣлить его, выяснить природу, даже передать ясно словами свои душевныя переживанія обычно не могутъ.

Въ этомъ случаѣ—для восстановленія картины душевныхъ переживаній воиновъ—необходимо брать какой либо *опредѣленный моментъ боя*—въ нашемъ случаѣ періодъ затишья во время боя—и группировать разпросы участниковъ сраженій къ этому моменту, располагая содержаніе разспросовъ по извѣстной программѣ или схемѣ, характеризующей челоѵка-бойца ¹⁾).

По описываемому методу я и провожу здѣсь суммированный рассказъ участниковъ сраженій.

«Во время боя, когда наступаетъ періодъ затишья, мысль, обычно прикованная къ боевой работѣ во время боя, теперь начинаетъ отвлекаться отъ окружающей обстановки и погружаться въ воспоминанія.

¹⁾ См. д-ръ Г. Шумковъ. «Военный Сборникъ» май, іюнь 1913 г.; апрѣль 1914 г.

Въ *умъ* появляются *мысли* самыя разнообразныя, которыя протекаютъ быстро и съ особенной яркостью. Кажется, что въ нѣсколько секундъ проходитъ вся жизнь.

Содержаніе мыслей. Вспоминая пережитое и охватывая мыслью только что прошедшія явленія, начинаешь оцѣнивать ихъ тяжесть и опасность для жизни и переходишь къ сожалѣнію, что попалъ въ такія трудныя условія. Мыслью переносишься на родину, въ свою обычную обстановку, и завидуешь своимъ роднымъ, которые этого состоянія не переживаютъ. Является даже какъ бы досада — что они не переживаютъ этого и поэтому навѣрное не понимаютъ того, что дѣлается въ душѣ война и что приходится переносить душевно.

И тутъ же насильно и неотвязно лѣзетъ въ голову мысль, горькая и непріятная, о томъ, что навѣрное тамъ читаютъ газеты и критикуютъ дѣйствія войскъ, быть можетъ ругаютъ и даже смѣются. Нѣтъ, вотъ, если бы самихъ посадить сюда — въ наши условія, то навѣрное послѣ этого критиковать бы насъ не стали...

Все это спѣшить, нагромождается, стремится впередъ безъ всякой строго логической послѣдовательности, цѣпляясь воспоминаніе за воспоминаніями въ порядкѣ и послѣдовательности событій, по сходству, по смежности, по контрасту.

Представляется часто картина прощанія съ семьей; вспоминаются самыя чувствительныя мѣста этой сцены. И вновь зависть къ домашнимъ и жалость къ себѣ, что находишься при такихъ условіяхъ, гдѣ можешь потерять жизнь въ одинъ моментъ.

И думаешь, какъ было бы хорошо, если бы я былъ, на примѣръ, докторомъ. Тогда быть можетъ я на войнѣ не былъ бы, а если бы и былъ, работалъ бы въ тылу спокойно. Чѣмъ я виноватъ, что я родился отъ военного и меня сдѣлали военнымъ... Ну... что дѣлать? Что есть, то есть; дѣлать нечего; «назвался груздемъ, пользай въ кузовъ». Коли ты офицеръ — и будь имъ; служи честно...

И вдругъ рисуется въ умѣ картина боя. Я иду впередъ, ведя свои войска спокойно и выдержанно... Иду героемъ... Представляется, что меня видятъ... меня отличаютъ... меня хвалятъ. Я читаю газеты и вижу описаніе моего подвига, я герой, украшенный отличіями. Я не простой человекъ, а особенный, на котораго выпала честь защищать великое дѣло и который исполнилъ его геройски.

Вѣдь это фактъ историческій... и я герой исторіи... Я, которымъ можетъ гордиться семья, полкъ, государство... Я герой... Я

дома... и я по заслугамъ, какъ герой, ношу награду храбрыхъ «Георгіевскій крестъ», который виденъ у меня на груди издалека и который будетъ говорить всѣмъ, что я герой... Георгіевскій крестъ? Крестъ?... Но, быть можетъ, крестъ и получу, но деревянный... и не на груди... а въ ногахъ. Да, это вѣрнѣе... Сколько нашихъ убито: и гдѣ они? Нѣтъ, не крестъ отличія получишь ты, а крестъ смерти... И здѣсь на войнѣ убьютъ и даже не похоронятъ по христіански; заруютъ тебя, безъ всякаго креста... Ну, что будетъ, то будетъ... Но лучше... лишь бы былъ какойнибудь конецъ... но конецъ.

Эхъ, хорошо бы—быть не убитымъ, а раненымъ; поѣхалъ бы въ госпиталь, полегилъ, потомъ, быть можетъ, домой... А дома какъ были бы рады... И все въ томъ же родѣ, *быстро, ярко и перемѣнчиво.*

Настроение. Переживаемыя чувства какъ бы вторять всѣмъ пролетающимъ мыслямъ и наполняютъ душу своимъ, присущимъ каждому изъ нихъ, настроеніемъ. При воспоминаніи о домѣ и родныхъ пріятныя чувства родства и привязанности. При воспоминаніи, что родные далеко, а я здѣсь—чувство досады и даже раздраженія. При воспоминаніи боевой обстановки—чувство жуткости, но въ тоже время и чувство пріятности, что я смѣло и храбро веду свое дѣло и исполняю свой долгъ.

Чувство гордости наполняетъ мою душу при воспоминаніи о совершенномъ подвигѣ и возможномъ внѣшнемъ отличіи... Но чувства страха, горести, печали, разочарованія терзаютъ душу, когда приходятъ мысли о возможной смерти... въ это время «непріятно на душѣ и морозъ охватываетъ все тѣло».

Новыя мысли и новыя настроенія. *Сердце* ноетъ, томить, временами усиленно бьется, временами какъ бы останавливается, трепещетъ, и даже становится холоднымъ. *Дышалось* не всегда ровно, большей частью прерывисто.

Во рту сохло; приходилось прибѣгать къ питью и пить довольно часто.

Куреніе отмѣчается учащенное. Присматриваясь къ нижнимъ чинамъ, «завивающимъ» папиросу, я удивлялся ихъ неловкости по свертыванію: табакъ въ бумажкѣ подскакивалъ и очень часто рассыпался. Если принять во вниманіе то, что табакъ въ бою иногда бываетъ на исходѣ, я очень удивлялся той кажущейся расточительности, которою проявляютъ нижніе чины къ табаку. На самомъ же дѣлѣ у бойцовъ отмѣчается неловкость движеній, зависящая отъ ихъ душевныхъ переживаній.

При попыткѣ говорить съ другими, говоришь почему то отрывочно и неохотно. Мысль привлекается къ воспоминаемымъ событіямъ и уносится въ этихъ воспоминаніяхъ. Удержать въ умѣ одну и ту же мысль, особенно рѣшать какую либо сложную задачу, не удается.

Вниманіе постоянно отвлекается воспоминаніями и отвлекается какими либо внѣшними явленіями въ ожиданіи наступленія неприятеля или открытія дѣйствій.

Изъ приведеннаго разказа, составленнаго по наблюденіямъ офицеровъ, позволимъ охарактеризовать душевное состояніе во время боя—въ періодъ затишья.

Душевное состояніе воиновъ въ періодъ затишья въ бою характеризуется слѣдующими *психо-физиологическими* чертами; *ускореніемъ теченія мыслей*; ослабленіемъ удержанія вниманія на чемъ либо одномъ: преобладаніемъ мыслей съ заботой о себѣ самомъ и о томъ, что будетъ?

Желанія измѣнчивы: не обладаютъ постоянствомъ и твердостью и одно постоянное, чтобы «скорѣе случилось то, что будетъ».

Настроеніе отличается непостоянствомъ и измѣнчивостью; какъ наиболѣе доминирующая черта—тяжелыя чувства, но настроеніе легко переходитъ изъ непріятнаго въ веселое, изъ чувства расположенности въ досаду и гнѣвъ и т. п.

При работѣ, требующей легкости и координированія движеній, пальцы рукъ являются непослушными, дрожатъ (свертываніе папирозъ).

Со стороны *внутреннихъ органовъ*: субъективно испытывается ощущеніе нытья и томленія въ сердцѣ, тяжесть дыханія съ потребностью времени вздыхать глубоко; сухость во рту; жажда, а отсюда учащенное питье.

По данной психо-физиологической картинѣ *душевное состояніе во время боя въ періодъ затишья*—есть состояніе тревоги, *тревожное настроеніе*.

На фонѣ тревожнаго настроенія, которое является доминирующимъ, быстро возникаютъ, а также быстро и проходятъ, соотвѣтственно содержанію и теченію мыслей, другія эмотивныя состоянія страха, печали, досады, гнѣва, радости и проч.

Д-ръ Т. Шумковъ.

